

RU

Топосы геопоэтики Аржана Адарова

Скокова Д. С.

Аннотация. Цель настоящего исследования – определить аксиологические характеристики «своего» и «чужого» пространств как топов геопоэтики алтайского поэта и писателя Аржана Адарова. В статье исследуются авторские стратегии художественной репрезентации образа Алтая при взгляде изнутри. На материале поэтических произведений А. Адарова исследуются топосы домашнего пространства (Алтай, Каярлык и др.), соответствующие аксиологическому полюсу «своего». Поэтика «чужого» пространства отражена в лирических произведениях автора о Москве, Чёрном море, Греции, Монголии. Научная новизна работы состоит в том, что впервые исследуются подробно и в системе топосы геопоэтики А. Адарова на материале поэтических произведений автора. Исследование поэзии Аржана Адарова в геопоэтическом аспекте позволило рассмотреть художественно-географические образы во взаимосвязи, как единый текст. В результате исследования лирических произведений автора об Алтае были выявлены некоторые общие коннотации топоса: пространство райского изобилия; доброжелательное родительское начало, связанность пространства с лирическим героем. Аксиология топов, составляющих полюс «чужого», неоднородна, при этом показано, что в произведениях о чужих землях ядро лирического переживания составляет тяготение героя на родину. Поэтические тексты о «чужом» посредством ментального сопоставления автором двух топов, дома и чужой земли, становятся также текстами о «своем», об Алтае.

EN

Topoi of geopoetics of Arzhan Adarov

D. S. Skokova

Abstract. The purpose of this study is to determine the axiological characteristics of “one’s own” and “alien” spaces as topoi of the geopoetics of the Altai poet and writer Arzhan Adarov. The article examines the author’s strategies of artistic representation of the image of Altai when viewed from the inside. Based on the poetic works of A. Adarov, the topoi of home space (Altai, Kayarlyk, etc.) corresponding to the axiological pole of “one’s own” are examined. The poetics of “alien” space is reflected in the author’s lyrical works about Moscow, the Black Sea, Greece, and Mongolia. The novelty of the work lies in the approach. The study of Arzhan Adarov’s poetry in the geopoetic aspect allows us to consider artistic and geographical images in their interconnection, as a single text. During the study of the author’s lyrical works about Altai, some common connotations of the topoi were identified: the space of heavenly abundance; benevolent parental principle, connection with the lyrical hero. The axiology of the topoi that make up the pole of the “alien” is heterogeneous, while it is shown that in works about foreign lands, the core of the lyrical experience is the hero’s gravitation toward his homeland, therefore poetic texts about the “someone else’s” through the author’s mental comparison of two topoi, home and foreign land, also become texts about “one’s own,” about Altai.

Введение

Настоящая статья посвящена образу Алтая в поэзии Аржана Ойинчиновича Адарова. Художественный взгляд на регион *изнутри* позволяет расширить спектр коннотаций образа Алтая в контексте сибирского текста русской литературы.

Актуальность исследования связана с устойчивым в литературоведении интересом, с одной стороны, к поэтике пространства, с другой – к проблемам имагологии и межкультурного диалога. Кроме того, исследование творчества поэтов и писателей, создававших произведения на алтайском языке, представляет интерес для современной литературоведческой науки и культуры, поскольку позволяет сформировать целостный и многоаспектный образ Алтая в региональной литературе и выявить различные стратегии художественной репрезентации региона. Алтайские национальные поэты и писатели являются неотъемлемой частью литературного процесса Алтая и – шире – Сибири.

Поэзия Алтая, созданная на алтайском языке, благодаря переводам становится доступной широкому кругу читателей, в том числе русскоязычному населению республики Алтай и Алтайского края. Изучение переводных поэтических текстов и вопросы литературного перевода в целом составляют проблемное поле литературоведческой науки. И. О. Фоянков отмечает, что «абсолютный поэтический перевод невозможен, всегда остается что-то неуловимое, не переданное средствами иного языка, и всегда будет казаться, что может быть, это самое “что-то” и есть главное» (Высокая радуга. Лирика Горного Алтая / перевод с алтайского И. Фоянкова. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1971, с. 208). На отсутствие добротных переводов произведений поэтов Горного Алтая указывает Н. М. Киндикова (2005): «В изучении переводных произведений получилось так, что мы чаще всего изучаем далекую зарубежную литературу или литературу народов России. При этом литература народов Сибири остается на втором плане, не потому, что писатели региона творят неинтересно, а потому что отсутствуют добротные художественные переводы».

В 1985 г. Алтайское книжное издательство выпустило книгу избранных поэтических произведений Аржана (Владимира) Ойинчиновича Адарова в переводах И. Фоянкова, Е. Храмова, Э. Балашова, А. Смердова, А. Смольникова, О. Мухиной, Е. Стюарт и др. (Адаров В. О. Избранное: Стихотворения и поэмы / предисловие В. И. Чичинова. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1985). Опубликованные в сборнике произведения послужили материалом для исследования, анализируемые далее художественные тексты, приводятся по этому изданию. В сборник «вошли произведения, отобранные и композиционно выстроенные самим автором. С точки зрения сегодняшнего прочтения – отдельные произведения, конечно, тематически и по содержанию устарели. Однако ценность их в том, что они изданы при жизни автора» (Киндикова, 2012).

Интерес к поэзии Аржана Адарова обусловлен ключевой ролью автора в литературном процессе Алтая второй половины XX века, весомым вкладом в развитие и формирование алтайской национальной литературы. Как отмечает М. С. Дедина, «качественно новым этапом в алтайской литературе и культуре в целом принято считать возвращение в середине 1950-х гг. в Горный Алтай из Москвы А. Адарова, Л. Кокышева, Э. Палкина – выпускников Литературного института им. М. Горького, которое совпало с периодом бурного роста алтайской литературы, обогащением тематического и жанрового своеобразия произведений на алтайском языке» (2020, с. 323). А. О. Адаров был не только поэтом, но также драматургом, прозаиком, публицистом. Центральными в творчестве автора являются образы и концепты «своей» земли, «своей» культуры; так, например, одним из этических и эстетических параметров героя Адарова является его глубокая укорененность в национальной традиции (об этом см. подробнее работы М. С. Дединой (2020; 2021), Н. Б. Кана (2017), У. Н. Текеновой (2022; 2024), Н. М. Киндиковой (2005; 2012; 2014)). Подобная черта авторского мировосприятия и миромоделирования отражена в формулировке В. И. Чичинова: «диалектика общего и единого» в творчестве А. О. Адарова (Цит. по: Адаров, 1985, с. 5). Все это дает возможность говорить о сопряженности героя и культурно-исторической, а также географической среды. Поэтические произведения А. О. Адарова дают представления об авторских закономерностях построения образа Алтая, при передаче тонких оттенков чувств поэта к родной земле, особенно – тоски по дому на чужбине. Таким образом, «алтайский текст» в поэзии А. О. Адарова рассмотрен в региональной науке подробно, в то время как имагологические аспекты при разнообразной палитре топосов художественной географии автора и при восприятии им мира как «единого космического целого» (Дедина, 2020, с. 320) исследованы в меньшей степени.

В настоящей работе впервые изучаются топосы геопоэтики А. Адарова как система. Для этого автор ставит перед собой следующие задачи: 1) описать закономерности моделирования автором художественно-географических образов пространственного полюса «своего»; 2) рассмотреть общие закономерности моделирования образов «чужого» в поэзии А. Адарова; 3) описать характер связи художественно-географических топосов полюсов «своего» и «чужого» в восприятии субъекта геопоэтики А. О. Адарова. Объектом исследования стали художественно-географические образы пространств в лирике Аржана Адарова, предметом – способы моделирования художественно-географического образа в поэзии А. Адарова.

В работе использованы следующие методы и приемы: структурно-семиотический анализ, благодаря которому были описаны специфика и закономерности моделирования образов «своего» и «чужого» пространств, принципы их «означивания», элементы мифопоэтического анализа, позволившего воспринимать субъекта геопоэтики А. Адарова как носителя мифологического типа сознания и в соответствии с его восприятием мира через призму мифа установить аксиологию полюсов «своего» и «чужого» пространств. Геопоэтика как подход в настоящей работе опирается как на структурно-семиотический, так и на мифопоэтический методы. Таким образом, произведения А. Адарова рассматриваются в геопоэтическом аспекте, когда топос (образ пространства) рассматривается как структурно-семиотическая модель в неразрывной связи с субъектом, его порождающим и наделяющим содержательными и аксиологическими параметрами. Геопоэтика как раздел структурной поэтики и как подход организует художественные тексты вокруг субъекта, или героя, и рассматривает события, происходящие с ним и отраженные в художественных текстах, а также сопровождающие эти события перемещения в культурном и географическом пространствах вместе с авторской аксиологией этого пространства, как единый текст.

Теоретической базой исследования послужили работы в области феноменологии пространства (Замятин, 2006; Подорога, 1995; Абашев, 2012). Исследованию структурно-семиотической модели Алтая посвящена работа Т. А. Богумил (2024); изучению литературы Горного Алтая – труды Л. Г. Чашинной (2004), Н. М. Киндиковой (2014). Поэтика творчества А. О. Адарова отражены в публикациях Н. Б. Кана (2017), прозе А. Адарова посвящены работы М. С. Дединой (2020; 2021), У. Н. Текеновой (2022; 2024).

Практическая значимость настоящего исследования несомненна. Полученные результаты могут быть применены в научно-педагогической деятельности в рамках курсов региональной литературы в учебных заведениях Алтайского края и в педагогической деятельности в рамках реализации национально-регионального компонента государственного стандарта общего образования, а также в работе с одаренными детьми при подготовке к олимпиадам и литературным конкурсам. Поэтические тексты А. О. Адарова позволяют показать обучающимся принципиально иные стратегии моделирования образов природы (содержательно близкие обучающемуся – жителю Алтая), разнообразить палитру традиционных для русской литературы образов *родного края*.

Обсуждение и результаты

В современной науке существует идея о феноменологической связанности географической реальности и художественного образа; утверждается также, что различные способы взаимоотношения субъекта творчества с местностью порождают авторские стратегии конструирования художественного мира.

Как отмечает Н. М. Киндикова (2012), «у Аржана Ойинчиновича Адарова, <...>, существовало три точки биографического пространства: Каярлык, Москва, Горно-Алтайск». Названные топосы в геоэстетическом аспекте могут рассматриваться как основные в поэтической био- и географии А. О. Адарова, если опираться на частотность упоминания этих топонимов в поэтических текстах. Наряду с ними в произведениях поэта фигурируют и другие топосы (страны, города, регионы), такие как Крым, Греция, Кавказ, Якутия, Монголия, Африка, Япония, Мексика, Стамбул, Египет и др. В настоящей статье намечены основные закономерности взаимоотношений героя со «своими» и «чужими» топосами.

Родина поэта, Каярлык, является сакральным центром и пространственным ядром персонального мифа Адарова, с этого топоса начинается освоение его героем мира: «Меж скал крутых и недоступных / Звенел и искрился родник. / В твоих лесах, высоких, шумных, / Узнал я радость, Каярлык» (перевод Г. Кондаковой) (1985, с. 9). «Скалы», «крутые и недоступные», которыми открывается текст, выполняют охранную функцию. Образ пространства в первой строфе ограничен, закрыт «скалами», при этом не возникает ощущения тесноты, так как лексема «леса», атрибутированная высотой и акустическими признаками («шумные»), придает образу масштаб. Качества пространства проецируются на переживания лирического субъекта, что позволяет воспринимать не только природу антропоморфно, но также душу героя пространствоподобно; это создает коммуникативное поле, область перекрещивания смыслов внешнего (образы природы) и внутреннего (лирический субъект). В подобной логике «радость» рифмуется с образом воды, отражающей свет («звенел и искрился родник»), и поведение пространства, а также его характеристики (широта и высота) переносятся на переживание лирического субъекта. Стоит вспомнить и то, что имя «Аржан» с алтайского переводится как «целебный источник, родник».

Обращают на себя внимание характеристики мира во второй и третьей строфах, он видится бескрайним, и всё, куда достает глаз, принадлежит лирическому герою: «По склонам гор, что в дымке синей, / Пасти отару я привык, / Там запах я вдыхал полыни, / Там песни пел я, Каярлык. // Однажды лесом шел смолистым, / Шел босиком и напрямик, / От трав и от цветов душистых / Вмиг опьянел я, Каярлык» (Адаров, 1985, с. 9). Взаимодействие жильца и пространства осуществляется также посредством обоняния и осязания. Мир наполнен запахами трав («полынь»), вдыхая их, герой отвечает миру «песней». В переводах текстов Адарова «песня» является номинацией как творческого процесса, так и поэтического произведения. Однако данный образ должен трактоваться шире: песня лирического героя – это акт коммуникации, пространство воздействует на его сознание совокупностью смыслов (ощущения, звуки, запахи, визуальные характеристики и др.), герой-поэт переводит собственный опыт взаимодействия с пространством в Слово. Величие поэта как раз состоит в предельной сопричастности пространству, он является его проекцией и продолжением. Вдыхая и впитывая образ родной земли, лирический субъект приносит, возвращает ей драгоценный дар в виде Слова; иными словами, герой-поэт является «голосом» своей земли. Свидетельством того, что поэтический дар, подношение с благодарностью принимается, является ощущение героем безопасности. Природа здесь видится невраждебной, о чем сообщает неопосредованное касание героя с землей: он «шел босиком», «лес» не опасен для него. В финальной строфе образ пространства разрастается до космического. В структуру образа включены земля («долины», «речки голубые») и небо: «Носил на сердце много ран я, / Но исцелил их твой родник. / Ты дал мне мужество дерзая, / Ты дал мне крылья, Каярлык» (Адаров, 1985, с. 9). Становится понятно, что «родник» является источником жизни. Горы и в мироощущении Адарова, и традиционно в алтайской мифологии принадлежат «верхнему» миру. Лирический герой происходит из верхнего мира: «Я сын твоих вершин небесных». Назваться сыном означает ощущать себя прямым продолжением. Лирический субъект таким способом констатирует тождество родной земли с самим собой: «Я сын твоих вершин небесных, / Долин и речек голубых. / И без тебя, как и без песни, / Жить не могу я, Каярлык» (Адаров, 1985, с. 9). Финальные строки сообщают, что Каярлык, родная земля, является источником жизни лирического героя, вторым «притоком» – поэзия, «песня». Каярлык обладает качествами сакрального топоса, о чем свидетельствуют недоступность, закрытость для посторонних, для лирического героя это пространство целительно. Кроме того, каярлыкская земля в тексте понимается как пространство первобытного изобилия (родник, густые, шумные леса, речки голубые).

В стихотворении «В горах Джайлау колыбель моя...» (1958, перевод Е. Стюарт) получает продолжение тема родства земли и субъекта: «В горах Джайлау колыбель моя, / Поближе к тучам, что плывут высоко. / У края ледников родился я, / Поближе к звездам, где летает сокол» (Адаров, 1985, с. 9). Топоним Джайлау имеет тюркский корень с семантикой «пик зрелости сезона», в котором передана та же идея райского изобилия.

В анализируемом произведении сообщается о небесном происхождении героя: «поближе к тучам», «поближе к звездам». Сокол в алтайской мифологии является небесной птицей или птицей небесного божества. Во взаимоотношениях лирического субъекта и пространства наблюдается обратная перспектива: герой является центром текста при окаймляющей функции гор, которые еще более великие, чем герой; таким способом формируется образ колыбели. Мотив чудесного рождения в художественной биографии лирического героя А. Адарова определяет Алтай как родительский топос, центр притяжения его памяти и поэтической мысли: «И сердце я оставил, не тая, / В родном краю, где голубые горы. / Там навсегда осталась песнь моя – / В густых лесах, где листьев тихий шорох» (1985, с. 9). В атрибутировании Адаровым родного тоposa часто используются акустические образы «шума», «шороха» лесов и деревьев, в них герой слышит голос родного края. То же можно прочесть, например, в стихотворении «Родная земля» (1963, перевод И. Фонякова): «Эй, ветер с гор, / Слети сюда в долину, / Шатер ветвей / Дыханием качни... / Пусть шепчут кедры / Мне свою былинку, / Как старые / Сказители-кайчи!» (Адаров, 1985, с. 18). Согласно Алтайской национальной поэтической традиции, Алтай как топос получает различные персонификации, в частности, в поэтике Адарова домашнее пространство уподоблено эпическому сказителю, а весь комплекс характеристик – акустических, визуальных, тактильных, – которые поддаются восприятию поэта, является, согласно концепции автора, голосом, «песней» земли.

Подобные процессы *со-общения* тоposa и жилья спроецированы А. Адаровым и на другие пары *поэта – места*. Так, в стихотворении «Думы у Черного моря» (1962, перевод И. Фонякова) географический образ, широкий берег Черного моря, сопряжен с величием поэта-романтика, в образе которого одновременно угадываются фигуры А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: «Так здравствуй, море! Синева сплошная, / От корабля широкий пенный след... / Давным-давно, – я это с детства знаю, – / Бродил вот здесь любимый мой поэт» (Адаров, 1985, с. 14). Адаров выводит творческий процесс и художественную мысль поэта из природного ландшафта: «Он вдаль смотрел, где парус легкокрылый / Белел, стремясь к далеким берегам. / “Шумы, шуми, послушное ветрило”, / – Звучало здесь впервые в такт шагам. // Здесь каждый день по горным тропкам диким, / Лелея в сердце дерзкие мечты, / Он шел к тебе. Он был, как ты, великим / И лишь не мог свободным быть, как ты» (1985, с. 14). Приведенный фрагмент текста содержит отсылки к произведениям русских романтиков. Так, образ «паруса», который «белел, стремясь к далеким берегам», соотносится в сознании как поэта, так и читателя в первую очередь с традицией М. Ю. Лермонтова, в то время как строка «Шумы, шуми, послушное ветрило» заимствована А. Адаровым из элегии А. С. Пушкина «Погасло дневное светило» (1820). «Величие» поэта, по мысли А. Адарова, соответствует параметрам природного ландшафта, морской пейзаж, в котором подчеркивается масштабность и невозможность объять морской простор взглядом, выступает образом-заместителем гения. «Бессмертие» поэта заключено в бесконечной «песне» моря, которое представляется лирическому герою эпическим сказителем, только не алтайским: «Как рассказать? Вместишь в какие сроки / Поэму о бессмертии певца? / Под морем – ночь, и волны, словно строки, / Бегут ко мне, / и нет волнам конца...» (Адаров, 1985, с. 14). Образ Черного моря в названном стихотворении составлен не только из знаков и характеристик природного ландшафта, среди которых можно увидеть разомкнутость пространства: «синева сплошная», «широкий» пенный след от корабля, где «поэт» (Пушкин) смотрит вдаль и где отсутствуют зрительные преграды. Морской крымский пейзаж рассматривается вместе со включенным в него обстоятельством, что здесь жил и творил великий русский гений. Таким образом, голоса земли и поэта слышатся лирическим героем как продолжение друг друга.

Поэзия А. Адарова богата образами других стран, других городов, регионов, такое разнообразие позволяет говорить о системе географических топов, которые можно рассматривать в контексте оппозиции «своего»/«чужого». «Свое», домашнее, пространство у каждого поэта или писателя, как правило, оценивается положительно, но «чужой» топос может быть означен по-разному, в зависимости от опыта взаимодействия субъекта с пространством. Как было показано, несомненной позитивной семантикой в произведениях исследуемого автора обладают образы родной земли. Художественный мир таких текстов не предполагает выхода к другим пространствам. Алтай становится ядром геопоэтики А. Адарова и центром притяжения мысли. Его единственность для героя очевидна.

В произведениях о чужих землях ядро лирического переживания составляет тяготение героя на родину. Подобные мотивы присутствуют, например, в стихотворении «Алтай» (1973, перевод А. Смольникова): «И вдали от тебя вспоминаю тебя, Алтай! <...> В жарком южном краю о прохладе твоей грущу, / А на севере дальнем твоей теплоты ищу» (Адаров, 1985, с. 64). Острая тоска по родине является поэтическим центром рассматриваемого стихотворения. Образ родной земли передан с помощью идиллического хронотопа: «Об одном лишь мечтаю: вернуться к тебе поскорей, / Оказаться в объятиях синих гор. / Молчаливо склониться над ликом твоих озер, / Их коснуться губами, как любимой бездонных очей, / И упасть меж цветами, что огня горячей...» (Адаров, 1985, с. 64).

Неоднозначен в аксиологическом наполнении для героя лирики А. Адарова образ Москвы. С одной стороны, это пространство профессиональной инициации героя-поэта, с другой – Москва олицетворяет враждебные силы. В произведении «Как степных коней» (1984, перевод Е. Храмова) поэт сравнивает свои стихи с табуном диких коней: «В этот город, сложенный из камней, / Я табун своих диких стихов примчал – / Необъезженных, диких, алтайских коней» (Адаров, 1985, с. 95). В приведенном фрагменте наблюдается трагическое несоответствие: табун диких алтайских коней тесно в «сложенном из камней» городе – ранняя поэзия автора не укладывается в правила академической традиции литературного творчества. Герой попадает в центр литературной жизни, где его поэтическое слово оказалось не принятым, так как не отвечало эстетическим запросам московского общества: «Я такие песни привез из степей! / Только был непонятен их древний язык, /

И смеялся мир над песней моей, / Этот мудрый мир книжечеев и книг» (Адаров, 1985, с. 96). Однако именно в Москве, в Литературном институте, запускается болезненный для героя процесс оттачивания поэтических навыков. Положение ученика требовало поэта отказаться от себя самого: «Бог ты мой, танцевал я и вальс, и фокстрот, / По паркету блестящему лихо скользя. / И, забыв о той, что в горах меня ждет, / Я у музы чужой вдохновенья просил» (Адаров, 1985, с. 96). Преодолевая испытания – и искушения – столичной жизни, лирический герой одерживает нравственную победу: «Но тебя, институт, и тебя, Москва, / Все же я с благодарностью вспомню не раз, / И учителей наших золотые слова, / Указавшие путь на далекий Парнас» (Адаров, 1985, с. 96).

В стихотворении «Парни гор и степей» (1963, перевод И. Фоянкова) образ столицы дан в двух аспектах: с одной стороны – как центр огромной страны, средоточие торжественно-официальной культуры, с другой стороны, как пространство легкой и утонченной жизни, что дает повод для иронического осмысления столичного локуса: «В цветастом платье модница-москвичка / Гвоздь-каблучок, высокая прическа, / На нас, приезжих, смуглых, грубоватых, / Ты не гляди с усмешкой, свысока! / На лицах наших – яростное солнце, / В пути нам ветры обточили скулы – / Те ветры, что обтачивают скалы / И, разогнавшись, мчатся по степям! / Дыханье диких трав, потоков свежесть, / Желанный запах зреющего хлеба / У нас в крови навек растворены...» (Адаров, 1985, с. 20). Образу утонченных «модниц-москвичек» противопоставлены монументальные, будто высеченные из камня, образы «парней гор и степей».

Авторская ирония направлена на рафинированность столичной культуры, не случайно поэтому герой, «парень гор и степей», обращается к москвичкам (не москвичам), что придает образу столицы феминность. Используется противопоставление: «Вот хлопкороб <...> Он оттуда, / Где на полях выращивают ситец, / Где, между прочим, выросло и платье, / Которое купила ты вчера» (Адаров, 1985, с. 20) или: «А вот целинник. Он из Казахстана. / Он знает хлеб истинную цену – / Не ту, что на квадратиках картонных / Обозначает каждый магазин» (Адаров, 1985, с. 20). Между «парнями гор и степей» и «москвичками», которых лирический герой просит улыбнуться, поприветствовать, слишком очевидная разница. Он принадлежит «горам и степям» отражающим локус природного, естественного («На лицах наших – яростное солнце»), в то время как Москва представлена исключительно в городских культурных знаках: с одной стороны – «Кремль», «кремлевский зал», с другой – «платье», «модница», «гвоздь-каблучок», «квадратики картонные» (ценники), – все это сообщает пространству искусственность, облагороженность.

Лирический субъект подчеркивает временность пребывания здесь («завтра мы разведемся»), он тут гость, контрастирующий с пространством, логика его образа противоречит сути места. В такой несовместимости герой ощущает себя непринятым. Анализируемый текст строится на антитезе искусственного («чужое») и естественного, природного («свое»). В процитированном фрагменте повторы и редупликации (ветры обтачивают / скулы-скалы) выражают параллелизм человека и природы. «Смуглость» и «грубоватость» являются следствием гармоничного сосуществования с природой родной земли.

Антитеза столицы и провинции реализована и в семантических редупликациях: «А я с высоких, снежных гор Алтая, / Из тех, кто с песней за отарой ходит / И с песней ночь проводит у костра... / Так не глядите, модницы, гордячки, / На нас с таким обидным любопытством, / Не проходите мимо равнодушно, / Усмешек не кидайте свысока!» (Адаров, 1985, с. 20). «Гордячки» смотрят «свысока», а «я с **высоких**, снежных гор Алтая». Отвергнутый московскими девушками герой имеет благородную цель пребывания здесь: «У нас дела в Кремле. / В кремлевский зал нас нынче пригласили / Для деловой беседы» (Адаров, 1985, с. 20). Стоит отметить, что ирония в анализируемом тексте используется в назидательных целях как наставление землякам не стесняться своей культуры и в последнюю очередь – как способ указать на недостатки «чужого».

Карта поэтической географии Аржана Адарова выходит за пределы трех основных биографических точек. В произведениях о далеких странах можно увидеть ряд повторяющихся тем: тоска по родной земле, восхищение красотой чужой природы и культуры и одновременно воспевание красоты собственных культуры и природы. Алтай как домашнее пространство в геопозитике Адарова является топосом притяжения, ментального или физического: где бы ни находился лирический субъект, он всюду слышит голос Алтая, ощущает его присутствие. Поэтому каждый текст о «чужом» становится поводом для воспевания «своего». Таково, например, стихотворение «Будь свободна, Греция!» (1968, перевод А. Смольникова), где А. Адаров передал образ чужой земли в ландшафтных и культурных доминантах греческой архаики, среди них прежде всего – моря, горы, виноградники: «Синева твоих вечных морей, / Красоте твоих горных цепей, / Волшебству виноградных корней, / Добrote твоих мудрых людей – / Шлю поклон тебе, Греция!» (1985, с. 243). Наличие в чужом ландшафте гор и водных образов побуждает поэтическую мысль к поиску аналогий «чужого» и «своего»: «Как паломник, турист, пилигрим / Был и я здесь, под небом твоим, / Умывался эгейской волной, / Алтын-Кель в ней узнав голубой, – / Буду помнить их, Греция!» (Адаров, 1985, с. 243). В развертывании образа Греции у Адарова показательно прозрение в чужом знаках родной земли, так, например, поэт называет Алтын-Кель («Золотое озеро», или Телецкое озеро). Все это свидетельствует о сакрализации родной земли и об ощущении поэтом единства космоса. В связи с этим можно утверждать, что *Алтай* как топос в геопозитике Адарова *выходит за пределы реальной географии*, становясь для лирического героя пространством героической архаики, частью метафизического бытия, проецируемого на действительность. Сакральная древность, в которой существуют греческие мифы, разворачивается и на алтайской земле: «На земле богатырской моей / Есть свои и Геракл, и Антей, / Но копыта алтайских коней / По земле не ступали твоей...» (Адаров, 1985, с. 243–244).

В поэме «Гоби-Алтай» (1967, перевод Е. Храмова), посвященной Монголии, географическая омонимия порождает идею ложного двойничества. Герой стихотворения огорчен повсеместным употреблением в бытовом контексте сакрального для него имени «Алтай»: «Произносят монголы: “Гоби-Алтай”. / В дальнем городе

слышу слово “алтай”. / Говорят о золоте – снова “алтай”. / Подождите! / Алтай – это мой край! / Что ж повсюду / “Алтай”, “алтай”, “алтай”? <...> Да что же им в этих словах? / Ведь они не знакомы с моей землей! / Им, внимающим шепоту теплой волны, / Что им / Имя моей суровой страны?» (Адаров, 1985, с. 144). Размышления выводят лирического героя к истории родной земли и к мифу об Алтае как месте рождения человека, оттого имя Алтай, слышимое им и в стамбульской мечети от муллы, и в молитве «бритого ламы», выражает неосознанную тоску чужеземцев по утраченному раю: «Может, ты только сказка для верящих в рай, / Да, прекрасная сказка о рае земном? / Или, может быть, в глубине времен / Был ты общею родиной всех племен...» (Адаров, 1985, с. 145). Другое различие омонимичных топосов лирическому герою Адарова видится в разности ландшафтов: «Говорят монголы: “Гоби-Алтай”. / Степи голы. Так где же Гоби-Алтай? / Ведь Алтай – это горы, гористый край! / (Я-то знаю: Алтай – это мой край)» (1985, с. 148). В анализируемом тексте герой безуспешно осуществляет поиск внешних сходств двух «алтайских» топосов. В поэме Адарова «Гоби-Алтай» специфически отражен образ чужого пространства: внимание лирического субъекта направлено не вовне (ему чуждо любопытство туриста), напротив, взор героя обращен внутрь, на образ далекой земли. Вся поэма – это работа мысли, а не глаза.

Итак, анализ ряда поэтических произведений А. Адарова показал, что лирика поэта богата образами художественно-географических пространств. Предпринятый в настоящей работе подход позволяет упорядочить топосы геопоэтики автора в соответствии с художественной гео- и биографией Адарова, таким образом, речь идет о системе географических топосов, которые аксиологически можно рассматривать в контексте оппозиции «своего»/«чужого». Алтай является сакральным центром и пространственным ядром геопоэтики Адарова.

Анализ отдельных текстов об Алтае («Каярлык», «В горах Джайлау колыбель моя...», «Родная земля») позволил определить некоторые специфические особенности взаимодействия лирического героя и пространства. Во-первых, стал очевидным характер их спаянности: не только природа показана антропоморфно, но также душа героя означена пространствоподобно, художественное слово порождает область перекрещивания смыслов внешнего (образы природы) и внутреннего (лирический субъект). Во-вторых, в текстах об Алтае звучит тема родства земли и лирического субъекта. Алтай прочитывается как родительский топос, одновременно и источник, и центр притяжения, постоянного возвращения поэтической мысли героя. Алтай становится ядром геопоэтики А. Адарова.

«Чужие» пространства в лирике А. О. Адарова разнообразны по спектру коннотаций. В отдельную группу следует вынести «московские» тексты («Как степных коней», «Парни гор и степей»), в которых резко противопоставлены столица и оставшийся далеко дом. Москва наделяется характеристиками феминности и эстетствующей рафинированности, при этом становится пространством инициации героя. Основой конфликта героя и города является их изначальная несовместимость, инаковость лирического субъекта.

В произведениях о далеких краях можно увидеть ряд повторяющихся тем: тоска по родной земле, восхищение красотой чужой природы и культуры и одновременно воспевание красоты собственных культуры и природы, таковы произведения «Думы у Черного моря», «Будь свободна, Греция!», «Гоби-Алтай». «Чужие» топосы моделируются автором в соответствии с уникальными природными и культурными характеристиками их ландшафта, при этом лирическое переживание строится на внутреннем поиске героем дома. Было показано, например, что наличие в чужом ландшафте гор и водных образов побуждает поэтическую мысль к сопоставлению «чужого» и «своего». Таким образом, вследствие предельной спаянности родной земли и героя поэзии Адарова, Алтай выходит за пределы реальной географии и становится пространством ментальной деятельности, отражением мысли и души лирического субъекта. Одновременное существование в одном тексте на физическом уровне «чужого» топоса, а на ментальном – «своего» дает возможность говорить о восприятии мира А. Адаровым как «единого космического целого».

Заключение

Исследование ряда лирических текстов Аржана Адарова в геопоэтическом аспекте показало, что Алтай для поэта проявляется в различных коннотациях с семантикой «центра»: как «родная земля», «дом», «источник», «родительская сила», и – в конце концов «сердце», пространство души лирического героя. В текстах о родной земле возможно мирное, идиллическое существование субъекта в пространстве. Алтайская земля не является объектом описания, но становится вторым лирическим субъектом, сопresentствующим с героем. Персонифицированность образа земли в поэтических текстах А. Адарова об Алтае позволяет воспринимать пространство как «собеседника», «музу», «друга» и так далее. Устойчивость такой стратегии моделирования топоса позволяет говорить действительно о герое лирики Аржана Адарова.

Спаянность лирического субъекта с родной землей подчеркивает его инаковость в «чужом» пространстве, отсюда – ряд лирических переживаний, связанных с непринятием в новом месте, с разного рода несоответствиями (что показано на материале стихов о Москве), тоски по дому и др.

Алтай как центр художественной географии А. Адарова позволяет говорить о системообразующих возможностях этого топоса. Исследование поэтических текстов показало, что образ мира в поэзии Аржана Адарова создается с оглядкой на «центр», лирический герой постоянно напоминает себе и читателю, что он – «с Алтая» («...Алтай – это мой край»).

В настоящей работе намечены точно лишь некоторые закономерности моделирования А. О. Адаровым образов «своих» и «чужих» пространств. В рамках данной статьи исследованы далеко не все топосы геопоэтики автора, художественно-географическая карта поэзии А. Адарова гораздо шире и требует отдельного серьезного

исследования. Пристального внимания со стороны исследователя заслуживает также семиотика «домашнего» пространства в поэзии Аржана Адарова. И, наконец, предложенный подход к изучению топосов геопоэтики автора может быть спроецирован на творчество других поэтов и писателей Алтая.

Источники | References

1. Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учебное пособие. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012.
2. Богумил Т. А. Геопоэтика Алтая в русской литературе XX – начала XXI вв.: монография. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2024.
3. Дедина М. С. Мифологизация локуса «своей» земли в романах А. Адарова «Сердце, опаленное огнем» и «Благословенный Алтай. Вечная любовь» // Роман в литературе и культуре народов России: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 19-21 мая 2021 г.). Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс Восточно-Сибирского государственного института культуры, 2021.
4. Дедина М. С. Художественная картина мира в романах Аржана Адарова // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 4.
5. Замятин Д. Н. Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2006. № 6.
6. Кан Н. Б. К вопросу о генезисе поэзии Аржана Адарова // Актуальные проблемы алтайской драматургии в XXI веке: к 120-летию Павла Кучияка: материалы региональной научно-практической конференции (г. Горно-Алтайск, 09-13 мая 2017 г.). Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2017.
7. Киндикова Н. М. Литературы Сибири: опыт исследования: монография. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2014.
8. Киндикова Н. М. Наследие Аржана Адарова: проблемы изучения и издания // Сибирские огни. 2012. № 9. <https://www.sibogni.ru/content/nasledie-arzhana-adarova-problemy-izucheniya-i-izdaniya>
9. Киндикова Н. М. Тюркские литературы Сибири: проблемы художественного перевода // Перевод тюркских литератур Сибири (теория и практика): сборник / ред. Н. М. Киндикова. Горно-Алтайск, 2005. https://e-lib.gasu.ru/konf/liter/R_1.html
10. Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Сёрен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 1995.
11. Текенова У. Н. Национально-культурные стереотипы в произведениях алтайских писателей // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2024. Т. 21. № 2.
12. Текенова У. Н. Цветовая символика в алтайской прозе второй половины XX в. (на материале романов Д. Каинчина и А. Адарова) // Филология и культура. 2022. № 1 (67).
13. Чашина Л. Г. Русская литература Горного Алтая: эволюция, тенденции, пути интеграции: дисс. ... д. филол. н. Томск, 2004.

Финансирование | Funding

- RU** Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00496, <https://rscf.ru/project/23-28-00496/>.
- EN** The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00496, <https://rscf.ru/project/23-28-00496/>.

Информация об авторах | Author information

- RU** Скокова Динара Сергеевна¹, к. филол. н.
¹ Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

- EN** Dinara Sergeevna Skokova¹, PhD
¹ Altai State Pedagogical University, Barnaul

¹ skokova_ds@altspu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.12.2024; опубликовано online (published online): 23.01.2025.

Ключевые слова (keywords): поэт и писатель Аржан Адаров; художественная репрезентация образа Алтая; топосы домашнего пространства; поэтика «чужого» пространства; художественно-географические образы; poet and writer Arzhan Adarov; artistic representation of the Altai image; topoi of home space; poetics of “alien” space; artistic and geographical images.